

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ

Прорезь в простыне

11

Меркурохром

36

“Плешь-попади”

59

Под ковром

83

Публичное оглашение

105

Многоголовые чудища

130

Месволд

152

“Тик-так”

177

КНИГА ВТОРАЯ

Указующий перст рыбака

201

Змейки и лесенки

228

Происшествие в бельевой корзине

250

“Индийское радио”

277

Любовь в Бомбее

301

Мой десятый день рождения

322

В кафе “Пионер”

347

Альфа и Омега

371

Мальчик Колинос

395

Жезл командора Сабармати

419

Откровения

443

Передвижения перчатки

468

Дренаж и пустыня
489

Джамбия-невунья
510

Как Салем достиг чистоты
543

КНИГА ТРЕТЬЯ

Будда
573

В джунглях Сундарбана
598

Сэм и Тигр
620

В тени мечети
637

Свадьба
671

Полночь
699

Абракадабра
734

Книга первая

Прорезь в простыне

Я появился на свет в городе Бомбее... во время оно. Нет, так не годится, даты не избежать: я появился на свет в родильном доме доктора Нарликара 15 августа 1947 года. А в котором часу? Это тоже важно. Так вот: ночью. Нет, нужно еще кое-что добавить... Если начистоту, то в самую полночь, с последним ударом часов. Стрелки сошлись, словно ладони, почтительно приветствуя меня. Ах, пора, наконец, сказать прямо: именно в тот момент, когда Индия обрела независимость, я кувырнулся в этот мир¹. Все затаили дыхание. За окнами — фейерверки, толпы. Через несколько мгновений мой отец сломал большой палец на ноге, но это сущие пустяки по сравнению с тем, что свалилось на меня в сей злополучный полуночный миг, — берущие под козырек часы, их скрытая тирания, наручниками приковали меня к истории, и моя судьба неразрывно сплелась с судьбой моей страны. И в последующие три десятка лет

¹ 15 августа Индия отмечает национальный праздник — День независимости. В этот день премьер-министр Временного правительства Индии Джавахарлал Неру объявил народу, что британскому владычеству в Индии пришел конец. Свое заявление Неру сделал ровно в полночь 14 августа. 15 августа Дж. Неру поднял трехцветный флаг независимой Индии над Красным фортом в Дели.

не было мне избавления. Колдуны предрекли меня, газеты восславили мое появление на свет, политики удостоверили мою подлинность. Меня тогда никто не спрашивал. Я, Салем Синай, позже прозываемый то Сопливцем, то Рябым, то Пleshивым, то Сопелкой, то Буддой, а то и Месяцем Ясным, прочно запутался в нитях судьбы — что и в лучшие из времен довольно опасно. А я ведь даже нос не мог подтереть в то время.

Зато теперь время (ничего не значащее для меня) стремится к своему концу. Мне скоро исполнится тридцать один. Может быть. Если позволит моя осыпающаяся, изнуренная плоть. Но я не надеюсь спасти свою жизнь, я даже не могу рассчитывать на тысячу и одну ночь. Я обязан работать быстро, быстрее, чем Шахрезада, если хочу найти хоть какой-нибудь смысл, да, смысл. Должен признаться: больше всего на свете я боюсь бессмыслицы.

А нужно рассказать так много, слишком много историй, уйму жизней, событий, чудес, мест, слухов, такую густую смесь невероятного и приземленного! Я был поглотителем жизней; узнав меня хотя бы в одной из моих ипостасей, вы тоже поглотите их немало. Пожранные толпы теснятся, толкаются во мне; и, ведомый памятью о широкой белой простыне с прорезанной в центре неровной круглой дырою дюймов семи в диаметре, прилепившись мечтою к этому пробуравленному, искромсанному полотнищу, моему талисману, моему сезам-откройся, я начну, пожалуй, заново выстраивать свою жизнь с той точки, когда она началась на самом деле, года за тридцать два до начала, с такой же очевидностью, с такой же *данностью*, как и мое преследуемое боем курантов, запачканное злодеянием рождение.

(Простыня, кстати, тоже испачкана, там три старых выцветших красных пятна. Как нам вещает Коран: “Читай, во имя Господа твоего, который сотворил человека из сгустка”).¹

1 Коран, XCVI (“Сгусток”), ст. 1–2.

Однажды утром в Кашмире, ранней весной 1915 года, мой дед Адам Азиз, пытаясь молиться, ударился носом о смерзшуюся кочку. Три капли крови выкатились из его левой ноздри, тут же загустели в морозном воздухе и легли на молитвенный коврик, обратившись в рубины. Он отпрянул, выпрямился, не вставая с колен, и обнаружил, что слезы, выступившие на глазах, тоже затвердели — и в тот самый миг, когда он презрительно стряхивал с ресниц бриллианты, дед решил никогда больше не целовать землю — ни во имя Бога, ни во имя человека. И это решение пробило в нем брешь, оставило пустоту в жизненно важных нутряных полостях, сделало уязвимым перед женщинами и историей. Еще не догадываясь об этом, несмотря на только что прослушанный курс медицины, он встал, свернул молитвенный коврик в толстую сигару и, придерживая его правой рукой, оглядел долину светлыми, избавленными от “бриллиантов” глазами.

Мир обновился в очередной раз. Долина, вызревшая в зимнее время под скорлупою льда, сбросила его оковы и легла теперь перед ним влажная и желтая. Свежая травка еще выжидала под землей, но горы, почуяв тепло, отступали все дальше, все выше, к летним кочевьям. (Зимой, когда долина съезживалась подо льдом, горы смыкались и скалились, будто злобные челюсти, вокруг приозерного городка.)

В те дни еще не построили радиовышку, и храм Шанкарачарьи¹, маленький черный пузырь на холме цвета хаки, возвышался над улицами Шринагара и над озером. В те дни на берегу еще не было военного лагеря — бесконечные змеи покрытых маскировочной тканью грузовиков и джипов не закупоривали узких горных дорог, и солдаты не прятались

1 Шанкарачарья (Ачарья Шанкара) (788–812) — один из основоположников философского учения адвайта-веданты. Последователи Шанкарачарьи отождествляют его с Шивой (Шанкарой) и сооружают в его честь храмы и святилища. Один из таких храмов находится на возвышающемся над Шринагаром холме.

за горными хребтами у Барамуллы и Гульмарга. В те дни путешественников, фотографировавших мосты, не расстреливали как шпионов, и если бы не плавучие домики англичан на озере, долина имела бы почти тот же вид, что и при Могольских императорах¹, несмотря на весеннее обновление, но глаза моего деда — им от роду было двадцать пять лет, как и всему остальному в Адаме, — все видели по-иному... к тому же свербел разбитый нос.

Секрет такого дедова зрения вот в чем: пять лет, пять весен провел он вдали от дома. (Судьбоносная кочка, притаившаяся под случайной складкой молитвенного коврика, явилась всего лишь катализатором.) По возвращении он смотрел на все повидавшими мир глазами. Не красоту крошечной долины, окруженной гигантскими зубьями, замечал он, а тесноту ее и близкий горизонт, и было ему грустно по возвращении домой оказаться в таком заточении. А еще он чувствовал, хотя не мог себе этого объяснить, как старый городишко выталкивает из себя его, образованного, со стетоскопом в кармане. Под зимним льдом городишко лежал холодный и безучастный, но теперь сомнения отпали: из Германии Адам вернулся во враждебную среду. Много лет спустя, когда он, заткнув свою брешь ненавистью, принес себя в жертву на алтарь черного каменного бога в храме на склоне холма, дед попытался вспомнить свои детские весны в раю, какими они были, пока дальняя дорога, кочка и тяжелые танки не испортили все на свете.

Утром, когда долина, прикрывшись, как перчаткой, молитвенным ковриком, расквасила ему нос, дед все еще самым нелепейшим образом пытался представить дело так, будто ничего не изменилось. И так, он встал в половине четвертого, в жестокий утренний заморозок, совершил положенное омо-

1 Могольские императоры — правители Индии из династии Великих Моголов.

вание, оделся и нахлобучил на голову отцовскую каракулевою шапку, затем захватил молитвенный коврик в виде свернутой сигары, отнес его в крошечный прибрежный садик перед темным старым домом и развернул над затаившейся кочкой. Земля коварно прогибалась под ногами, казалась обманчиво мягкой, и он ступал беспечно, хотя и с опаской. “Во имя Бога, милостивого, милосердного... — зачин, который он произнес, сложив руки книжечкой, укрепил какую-то его часть, а другую, гораздо большую, смутил, — ...слава Аллаху, Господу миров...” — но Гейдельберг никак не шел из головы: там была Ингрид, пусть и недолго, но *его* Ингрид, и она усмехалась, видя, как он обезьянничает, повернувшись лицом к Мекке; там были его друзья Оскар и Ильзе, анархисты; они высмеивали молитву, как и любую форму идеологии — “...Милостивому, Милосердному, Царю в день Суда!” — Гейдельберг, где, кроме медицины и политики, он узнал еще и то, что Индия, как радий, была “открыта” европейцами; даже Оскара переполняло восхищение Васко да Гамой¹. Вот что в конце концов оттолкнуло Адама Азиза от его друзей: их святая вера в то, что его, индийца, каким-то образом изобрели их предки. “...Тебе одному мы поклоняемся и просим помочь...” — и вот он здесь и, несмотря на их постоянное присутствие в мыслях, старается воссоединиться с собою прежним, тем, кто ведавший не ведал их влияния, зато знал все, что потребно знать о смирении, скажем, о том, чем он был занят сейчас, и руки его, подчиняясь былой памяти, протянулись вперед — большие пальцы прижаты к ушам, прочие растопырены — когда он преклонял колена: “...Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал...” Но все без толку, попал он в какое-то странное средостение между верой и не-

¹ Васко да Гама (1469–1524) — знаменитый португальский мореплаватель. В 1497–1499 гг. совершил плавание из Лиссабона в Индию, обогнув Африку, и обратно, впервые проложив морской путь из Европы в Южную Азию.